Александр Кырлежев

Постсоветский транзит и наука о религии

Alexander Kyrlezhev

The Post-Soviet Transition and the Science of Religion

Alexander Kyrlezhev — Research Fellow of the St. Cyril and Methodius Post-Graduate Institute of the Russian Orthodox Church; Member of the Synodal Biblical and Theological Commission of the Russian Orthodox Church (Moscow, Russia). kyrlezhev@gmail.com

This text is an extended review of the volume «Science of Religion, Scientific Atheism, Religious Studies. Current Problems of the Science of Religion in 20th-21st centuries Russia» (editor K.Antonov, 2014). The review emphasizes the need of de-Sovietization of the religious studies that in the Soviet times existed under the rubric of «scientific atheism». The volume's authors were right to present the Soviet religious studies as an amalgam of scientific and non-scientific approaches and practices. The Soviet scholars studied religion while they were expecting its near disappearance. With such orientation, it was almost impossible to follow thorough scientific procedures: the science as such was determined by the overall condicio sovetico *with its unescapable mixture of what is what ought to be. The post-Soviet transition is supposed to be a way of de-ideologization, and this principle should be applied to such a new form of ideological bias as confessional engagement, which apparently has replaced the old «scientific atheism» of the Soviet era.*

Keywords: Post-Soviet transit, Soviet science, scientific atheism, scientific procedure, ethos of science.

Мы живем в период «постсоветского транзита». Одни сетуют на то, что он слишком затянулся (уже четверть века!), другие вообще впадают в отчаяние, именуя его известной формулой «из ниоткуда в никуда», а кто-то, наоборот, лелеет надежду на попятное движение истории... Эти реакции еще раз напоминают о том, насколько исторически долгим и эффективным в смысле проникновения в человеческое

Кырлежев А. Постсоветский транзит и наука о религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 198–206.

Kyrlezhev, A. (2015) "The Post-Soviet Transition and the Science of Religion", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 33 (1): 198–206.

сознание и культуру был предшествовавший период — «советский транзит». Обвал внешних структур советского мира привел не столько к освобождению (которого чаяли лишь немногие), сколько к разрушению жизненного мира «человека и людей». Отсюда проблема постсоветского транзита — и вообще, и в различных социокультурных секторах, в каждом из которых она имеет свою специфику. В том числе — в науке, в особенности — в гуманитарно-общественных науках, в частности — в науке о религии.

В обсуждаемом сборнике[1] представлены результаты коллективного исследования истории отечественного религиоведения XX — начала XXI в. Как говорится в аннотации, «основной целью работы является проблематизация устоявшихся подходов и представлений, сложившихся вокруг феномена „научного атеизма“, его истоков и форм влияния на современную религиоведческую науку». Отдавая должное редактору-составителю за корректность (в том числе «политкорректность») этой формулировки, все-таки скажем — с точки зрения читателя, — что главной целью исследования была *десоветизация* отечественной «науки о религии».

Здесь, однако, возникает вопрос о том, в чем такая десоветизация должна состоять. Некоторым представляется, что в области науки проблема де-советизации решается просто: нужно лишь отделить зерна от плевел, то есть добросовестное исследование — от пропаганды (часто «вынужденной обстоятельствами»), и таким образом снять «советское наваждение». Иными словами, «взять все хорошее, отбросив все плохое». Это, безусловно, оптимистичный подход. И действительно, вполне можно провести подобную селекцию — без всякой проблематизации «советского религиоведения». Ведь *пост*-советский транзит открывает эту возможность как бы естественным образом, по принципу: старое прошло, теперь все новое...

Проблема этой оптики в том, что она игнорирует вопрос: а прошло ли старое? Точнее, вопрос о «природе» этого старого. Чем было советское вообще и советская (гуманитарно-общественная) наука — особенно «наука о религии» — в частности?

1. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX–начала XXI в./Сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

На эти вопросы существуют разные, в том числе развернутые, ответы, и было бы слишком претенциозным предлагать здесь исчерпывающие интерпретации. Обратим внимание лишь на то, что «советская парадигма» означает снятие различия между сущим и должным (пресловутый прыжок из царства необходимости в царство свободы). Соответственно, *наука* была призвана заниматься не только и не столько своим предметом, то есть сущим, сколько, так сказать, «сущим в аспекте его долженствования» (будь то общество, экономика, искусство или религия). Однако должное — это тема не науки, а как раз религии, а также философии в ее древнем и модерном статусе. И напряжение между сущим и должным подлежит снятию только в свободном духовном усилии личности, в «изживании судьбы» (говоря словами Бердяева).

Иными словами, «советская наука» является проблематичной без всякой ее проблематизации. Ибо *condicio sovetica* предполагает неписаный запрет на главенство не только здравого смысла вообще, но и рациональной процедуры в специальных областях научного знания. И то и другое было репрессировано, а потому было возможно лишь в «подпольном режиме». Но подполье — это принципиально не-нормальный топос жизнедеятельности. Именно в этом топосе и существовала подсоветская гуманитарная *наука*, в этом топосе происходили и «научные революции», и течение ее «нормальной» фазы...

Здесь надо оговориться (что делают и авторы сборника): деконструкция «советской науки» как одного из измерений советского феномена не должна иметь ни целью, ни результатом «очернение» конкретных людей. Все мы, «советские люди», были заложниками «советского транзита» в его поздней фазе, а те из нас, кто вступал в противоречие или в противоборство с советским (частично или полностью), по необходимости оказывались в «подполье советского» — в социальном, институциональном или ментальном смысле. Здесь сколько персон — столько и конкретных конфигураций, и судеб, но при этом — «внутри» общей судьбы. И именно эту «общую судьбу» и нужно иметь в виду (ее как раз и нужно изживать), когда мы теперь пытаемся диахронически проследить тему отечественной науки о религии от досоветского периода через советский к постсоветскому. Так прочитывается логика авторов сборника.

Реализация этой логики имеет освобождающий эффект. Это эффект десоветизации в отдельно взятой области интеллекту-

альной деятельности, значимый для общего процесса принципиальной десоветизации — процесса, императивность которого пока еще так и не осознана нашим обществом. Значимость этого эффекта связана с тем, что феномен советского религиоведения под грифом «научного атеизма» с особой яркостью демонстрирует, так сказать, монструозность *condicio sovetica* — если смотреть на этот феномен именно из постсоветского (или внесоветского) хронотопа. Ведь религия была в советской ситуации «вещью», которая *одновременно* квалифицировалась и как сущее (в том числе через формальное право граждан на свободу вероисповедания, предполагающее его фактическую реализацию), и как недолжное (то есть подлежащее «преодолению» в его фактуальности).

Можно сказать, что это — тот частный случай советской парадигмы, который наиболее выпукло ее выявляет. Здесь проективное насилие над «данной в ощущениях реальностью» создает для соответствующей науки, эту реальность изучающую, такую ситуацию, которая, действительно, может быть описана лишь в терминах марксистской диалектики, ибо никакая иная логика не может задать перспективу для соответствующей научно-исследовательской программы. Изучать то, что *одновременно* умирает естественной смертью и подлежит активному преодолению, может только актор, пребывающий в состоянии ментальной абберации. Как можно в строгом смысле научно изучать особь, обреченную на самоуничтожение, одновременно помогая ей самоуничтожиться?!

Однако у этой «стратегии», помимо методологического, был и политический аспект, который нельзя игнорировать, говоря о десоветизации отечественного религиоведения. С прекращением «советской» функции обеспечения репрессивной политики в отношении религии и ее адептов религиоведение должно определиться со своей политической ангажированностью. Обвал внешних структур опять же не снимает проблемы транзита. Постсоветское религиоведение в лице своих старых и новых акторов призвано совершить осознанный выбор: либо стать «просто наукой», принципиально аполитичной по своим установкам, либо выполнять функцию приводного ремня какой-то иной политики — защиты доминирующих конфессий или религиозных меньшинств, защиты свободы совести или религиозно-политических идеологий. В первом случае у религиоведения есть шанс включиться в мировое научное сообщество, во втором — есть опасность

попасть в типологически советскую ловушку, воспроизводя «стратегию» смешения сущего с должным.

Все это ставит принципиально важный (в том числе психологически) вопрос о преемственности в отечественной «науке о религии». Ключевым здесь является термин «наука». Ведь если в советском хронотопе можно различить и выявить хотя бы фрагменты или элементы научности, *деконструкция* советского утрачивает неприятные слуховые ассоциации с *деструкцией*. Термин «наука» позволяет говорить о преемственности, а значит, и о развитии. Обозначив континуум, можно спать спокойно. Точнее, наоборот: не спать, а бодрствовать, работать, почти религиозно служить этой самой Науке, которая — в силу своей «древности» — как бы снимает все проблемы этого самого «постсоветского транзита», будучи мощным диахронически-синхроническим началом, перекрывающим феномен и опыт «советского транзита».

Заслуга авторов рассматриваемого сборника состоит в том, что они разрушают этот удобный миф о преемстве; в том, что они показывают (на теоретическом уровне и на конкретном материале), что история отечественного религиоведения характеризуется *разрывами*, совпадающими с обоими транзитами — советским и постсоветским. Эти разрывы связаны с радикальным изменением научного *этоса*, то есть внутренней системы ценностей и норм, разделяемых сообществом тех людей, которые занимаются изучением религии в формальных рамках соответствующих научных дисциплин.

Проблема советской «науки о религии» состояла совсем не в том, что тогда не занимались изучением религиозных феноменов. Занимались — и порой успешно. Проблема в том, что тогда ученые не составляли подлинного научного сообщества. Этос советских религиоведов — это не научный этос, а псевдонаучный псевдо-этос. Это был псевдо-*этос*, потому что соответствующие ценности и нормы были добровольно приняты членами сообщества (в том числе теми, кто действовал в полуподполье, говорил эзоповым языком и прикрывался цитатами классиков марксизма). И это был *псевдо*-этос, потому что соответствующие ценности и нормы были регуляторами, «спущенными сверху» начальниками-идеократами, а не свободно установленными внутри самого исследовательского сообщества.

Здесь следует обратить внимание на один важный момент: речь не идет о мировоззренческой искренности, то есть об «идео-

логической вере» (или, наоборот, неверии) членов сообщества. Можно верить во что угодно, но подлинно научная деятельность опирается только на одну «веру» — в научные процедуры. Все другие веры выносятся за скобки. И если ты — «в науке», ты должен отстаивать не только свои научные идеи, но и саму процедуру обретения научного знания, которая как раз и консолидирует научное сообщество.

Именно этого и не было в советском «религиоведении» — ютившемся под вывеской «научного атеизма» или же в рамках других дисциплин. И «правые», и «левые», и «центристы» принадлежали к одному псевдонаучному сообществу, распределенному в единой системе институциональных идеократических структур. И пребывали в общем гуманитарно-общественном советском *дискурсе*.

Как в этой ситуации отделить «научное» от «иного»? Где граница между хорошими и плохими учеными? Какое значение имели «склоки» в сообществе — идеологическое, мировоззренческое, научно-дискуссионное, нравственное или бытовое? Это ложные вопросы, на которые не может быть правильного ответа. Ибо «советская наука» — это феномен, не поддающийся разложению на части, которые можно апроприировать и использовать в несоветской ситуации. А поэтому десоветизация означает императив перехода в *науку* — из сложного конгломерата научного и вненаучного, которым являлось «советское религиоведение».

И вопрос о «научном атеизме» здесь не самый главный. Отождествление философской позиции и идеологической системы с наукой — это просто «казус», который имеет параллели и в наши дни. Это — паранаука, то есть то, что существует параллельно с самой наукой как сферой деятельности, имеющей вполне определенные основания и «управляющейся» своим этосом. Да, наука — ограниченная сфера, но свои границы она знает и при необходимости защищает. Или: должна знать и защищать, чтобы оставаться наукой.

Можно сказать, что пафос рассматриваемого коллективного исследования состоит в следующем: не надо пафоса, в том числе и в науке о религии. Наука по определению рациональна (в том числе в процедуре получения знания и в своей принципиально коммуникативной структуре). Вера, идеология, мировоззрение и проч. — всегда подчиняют рациональность внерациональным началам. Это может быть антирелигиозная вера или, наоборот, религиозная; аффектация «цельным знанием» или «бесконечно-

стью различия». В любом случае *наукой* следует называть только тот способ исследования сущего и обретения соответствующего знания, который характерен для мирового, «космополитического» сообщества ученых.

В этом смысле постсоветский транзит «науки о религии» может иметь только один смысл: переход от недолжным образом политизированной псевдонауки к науке в собственном смысле. Но именно — *переход*, то есть теперь уже новый разрыв с «этосом», дискурсом, общей смысловой (а отчасти, наверное, и институциональной) структурой советского религиоведения. Авторы сборника говорят об этом мягко, «корректно», ибо сами всячески избегают идеологичности/публицистичности (что им вполне удается). Но мы должны заострить их сущностный месседж: этот разрыв/переход должен быть ясно обозначен, он должен привести к подлинному «очищению памяти» от чудовищного смешения исследования религии и ее «опровержения», ее понимания и идеологического отчуждения от понимаемого, служения науке и служения репрессивной политике. Без этого нельзя не только двигаться вперед, но и «взять с собой» те конкретные достижения, которые были в советское время в области изучения религиозных феноменов прошлого и настоящего.

При этом очень важно, что авторы сборника — следуя своей исследовательской логике — обращают внимание (хотя это делается, так сказать, походя, поскольку не является предметом самого исследования) на зеркальное отражение наследия советского «научного атеизма» в некоторых установках постсоветского религиозного сознания. Речь идет о живучести советской парадигмы, которая начинает работать с обратным знаком, когда в конфессиональном православном религиоведении «религия» замещает собой «научный атеизм». Эта зеркальность — типологична, она обнаруживает тождество ментальных структур, безотносительно к их содержанию. (Так, например, современные исследователи показывают, что установки американских христианских фундаменталистов тождественны установкам «новых атеистов»[2].)

В заключение этого «размышления над книгой» вернемся к двум стратегиям работы с наследием гуманитарно-обществен-

2. См., например: Amarasingam, A. (ed.) (2010) *Religion and the New Atheism. A Critical Appraisal*. Leiden-Boston: Brill.

ного знания: *деструкции* и *деконструкции*. В прежние, модерные, времена, начиная с классического европейского Просвещения вплоть до его позднего «бастарда» — советско-марксистской псевдонауки, значительная часть традиции мысли подлежала «опровержению» ради победы новых, судьбоносных инсайтов. В нынешние постмодернистские времена стратегия изменилась, поскольку утрачена та абсолютная точка отсчета, с которой можно судить как традицию, так и современность. Деструкцию сменила деконструкция, то есть попытка понимания того, как складывались традиции, а также инновации, со временем также ставшие традициями. В случае советской «науки о религии» под брендом «научного атеизма» приходится говорить одновременно и об инновации (она была слишком радикальной), и о традиции (слишком долгим был советский транзит). Это, с одной стороны, осложняет соответствующий постсоветский транзит, а с другой — позволяет и даже требует сочетать оба подхода: деструкции и деконструкции. Ибо недостаточно *понять* — нужно *преодолеть*, освободиться от советского морока, который не только до сих пор держит в ментальном оцепенении отдельных акторов постсоветского религиоведения, но и порождает свои зеркальные воплощения в пост/антисоветском конфессиональном подходе к «научному изучению религии».

Поэтому нужно сказать, что у авторов рассматриваемой монографии на самом деле есть свой пафос — это пафос *науки*, которая в процессе осознанной десоветизации должна самым радикальным образом освобождаться от всего, науке противоречащего. Нам необходимо подлинно научное пространство, которое отторгает любые — прежние и новые — идеологичность, политизированность, конфессиональность и всякую иную вненаучную ангажированность. И немаловажно, что эта монография вышла в издательстве конфессионального университета. Это вселяет надежду, в том числе и на продуктивное взаимодействие всех научных сил, независимо от их аффилиации.

Библиография/References

«Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в./Сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

Amarasingam, A. (ed.) (2010) *Religion and the New Atheism. A Critical Appraisal*. Leiden-Boston: Brill.

Antonov, Konstantin (ed.) (2014) *«Nauka o religii», «nauchnyi ateism», «Religiovedenie»: aktual'nye problem nauchnogo izuchenia religii v Rossii* XX — *nachala* XXI *vekov* [«The science of religion», «scientific atheism», «religious studies»: actual problems of scientific study of religion in Russia in the twentieth and early twenty-first century]. Moskva: Izdatel'stvo Sviato-Tikhonovskogo Pravoslavnogo Universiteta.